

Лидия Алексеевна Чарская

Гимназисты

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Лидия Алексеевна Чарская

Гимназисты / Лидия Алексеевна Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 72 с.

ISBN 978-5-4241-3262-9

У героев замечательных книг Лидии Чарской есть чему поучиться: доброта, благородство, смелость, отзывчивость...

И пусть иногда за подобные качества в жизни им приходилось страдать, но эти страдания, как и в жизни, окупались сторицей.

Ведь только такие светлые люди способны на любовь, дружбу, подвиг во имя Родины...

ISBN 978-5-4241-3262-9

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Чарская Лидия Алексеевна

Гимназисты

Глава I.

Отец Капернаум.

Священник отец Василий Крестовоздвиженский, прозванный неведомо почему гимназистами отцом Капернаумом, придерживая рукой лиловую, шелковую, мягко шуршащую рясу, входил в класс.

Окинув быстрым взором присутствующих, батюшка сразу убедился, что у "ариан нечестивых", как называл он, а за ним и вся гимназия восьмиклассников, нечто стряслось.

На вид, однако, все обстояло благополучно. Силач и верзила Бабаев, прозванный товарищами Самсоном, безмятежно играл в дурачки в "рае" — иначе, на последней парте — с высоким худощавым и близоруким Ватрушиным или Кисточкой, прозванным так за его постоянную привычку кивать в разговоре, как бы поддакивая собеседнику. Красивый, черноглазый и глуповатый армянин Соврадзе, "мурза" по прозвищу, упивался чтением запрещенного романа, запустив обе руки в свою синевато-черную кудлатую голову. Порывистый, пылкий, быстрый и живой, как ртуть, Гремушин ожесточенно доказывал что-то своему соседу остряку и сорвиголове Мише Каменскому, общему любимцу и баловню, и в то же время предмету всяческих забот и справедливого негодования всего гимназического начальства — "тридцать три проказы", как про него говорили с восторгом его же одноклассники.

В уголку, за отдельным столиком сидели "иностранцы", как называл батюшка худенького, малорослого, горячего, как огонь, еврея Флуга, белобрысого, всегда уравновешенного, спокойного остзейца барона Нэда фон Ренке, длинного, как жердь, высокомерного и надменного юношу и вертлявого поляка, хорошенького женоподобного Стася Гудзинского, прозванного "Марусей" за его чисто женственную ласковость. Обыкновенно иноверцы на время уроков православного Закона Божия удалялись из класса, но сегодня отец Капернаум спешил на панихиду по умершему богачу коммерсанту и не рассчитывал давать урока более получаса, а на столь короткое время иноверцы решили, что переселиться из класса не стоит и ограничились водворением себя за отдельный столик. "Мурза" же, поглощенный чтением, так и остался сидеть на своем прежнем месте.

Итак, в восьмом классе, по-видимому, все обстояло благополучно. Но опытный глаз батюшки не обманул его. Какое-то сдержанное шушуканье, похожее на шум отдаленного прибоя, носилось от времени до времени по классу. По временам невинные, белые, как миниатюрные хлопья снега, бумажки, перелетали с парты на парту, на лету схватывались, на лету читались и исчезали куда-то, невинные, белые, ничего не говорящие зоркому глазу преподавателя. Батюшка, любопытный от природы, не отказался бы узнать ни за что на свете причину общего возбуждения. Но зная, опять-таки по опыту, что нечестивые ариане — народ скрытный и насмешливый, и еще, чего доброго, поднимут на смех за излишнюю любознательность, батюшка вздохнул только и после краткой молитвы, прочтенной дежурным по классу, расправил свою красивую, русую бороду и, поместившись на кафедре, обвел глазами класс.

В тот же миг сосед Соврадзе, высоченный, мрачный Комаровский, чуть-чуть подтолкнул под локоть зачитавшегося армянина.

— Спрячь книгу, мурза... Капернаум смотрит.

— Э... Отстань, пожалуйста!.. Вот члэвэк!.. Бить буду! — неожиданно и громко заключил тот.

Несмотря на четырехгодичное пребывание в гимназии (он поступил прямо в 4-ый класс), Соврадзе все еще не умел чисто говорить по-русски и немилосердно коверкал язык к полному огорчению преподавателя русской словесности.

— Соврадзе! — тоненьким тенорком обратился законоучитель к мгновенно вскочившему со своего места кавказцу, — положите хранение на уста ваши до более удобного для разговоров времени!

— Услыхал-таки! — проворчал себе под нос Соврадзе, — вот члэвэк! — и с шумом опустился на своем месте.

— Слон! Чуть скамейку не вывернул! — рассердился Комаровский, подпрыгнувший чуть ли ни на пол-аршина при этом грузном плюхании "мурзы".

Между тем батюшка раскрыл классный журнал, обмакнул перо в чернильницу и, поставив им крошечную точку против одной из фамилий, произнес кратко:

— Николай Гремущин. Пожалуйте.

Батюшка был из "молодых", недавно кончил академию, носил кокетливый академический значок на груди и говорил ученикам "вы", всем без исключения.

Коля Гремущин вскочил, как ужаленный, со своего места...

— Простите, батюшка. Я не готовил урока, — произнес он, чуть-чуть заикаясь и густо краснея алым, ярким румянцем.

— Да ну-у? — изумленно протянул батюшка. Гремущин был одним из лучших учеников. занимался он прекрасно, никогда не манкировал и был на хорошем счету у начальства. Отец Капернаум взглянул на юношу, как на труднобольного, нуждающегося в скорой и безотлагательной помощи, и произнес печально:

— Нехорошо, Гремущин... Непохвально!.. Вы, можно сказать, в преддверии университета, действительный, можно сказать, студент через три месяца — и такое упущение. Садитесь, Гремущин и, как ни прискорбно, я должен вам поставить двойку. — И еще раз с сокрушенным видом покачав головою, батюшка уже обмакнул перо в чернильницу, готовясь привести свою угрозу в исполнение, как неожиданно с последней скамейки поднялся высокий Комаровский и произнес мрачно и уныло:

— Батюшка! Вы хотите поставить "пару" Гремущке, но в таком случае и мне... и нам всем по паре внесите... потому что никто из нас урока не готовил... И... и не в зуб толкнуть о Данииле Заточнике...

— Да... да... никто не учил... Не готовили! — дружно прогудело по классу. Батюшка пугливо насторожился.

— Так и есть. Набедокурили сорванцы! — вихрем пронеслось под его пышной и густой шевелюрой.

Но вдруг более счастливая мысль заменила только что мелькнувшую догадку и отец Капернаум, загадочно улыбнувшись, произнес, глядя куда-то вдаль своими добрыми, серыми глазами:

— А Радин, я знаю, все же приготовил заданное! Выйдите сюда и отвечайте, Радин.

Красивый, бледный, невысокий юноша лет семнадцати, не торопясь поднял-

ся со своего места. Его тонкое породистое лицо, с синими, чистыми глазами, с благородно очерченным горделивым ртом, с целою шапкою густых, каштановых кудрей, открытое, мужественное и прекрасное, смело повернулось к отцу Капернаууму.

— Вы ошиблись, батюшка, я тоже не готовил урока на сегодня! — произнес он мягким и приятным тенором.

Юрий Радин вместе с бароном Нэдом фон Ренке были первыми учениками класса и будущими медалистами, вне всякого сомнения. На Юрия Радина отец Капернауум надеялся, как на каменную стену. Его прилежание и усердие ставились на вид всем остальным ученикам и поэтому нет ничего мудреного, если подобный ответ любимца привел в справедливое уныние опечаленного батюшку.

— Как же вы так, юноша? — беспомощно развел руками священник.

— Я не готовил урока! — еще раз спокойно и негромко произнес Радин.

Отец Капернауум хотел ответить что-то, раскрыл рот, но ему не пришлось произнести ни слова.

Быстрее птицы ринулся со своего места от столика "иноверцев" маленький, черноокий еврей Флуг, с пылающим взором и лихорадочными пятнами чахоточного румянца на щеках. В одну секунду пробежав длинное узкое пространство между классными партами, он очутился перед отцом Капернауумом, весь взволнованный, трепещущий и возбужденный.

— Господин священник! — прозвенел его надтреснутый от явного недуга голосок, — г. священник, выслушайте меня... Вы русский законоучитель — я еврейский юноша, ученик... Мы люди совершенно различных положений... Но, как и у всех людей, должна быть соединяющая их связь, так и у русского священника с еврейским юношей должно быть соединяющее их души звено... Это звено — чуткость... И она должна быть вам присуща, господин священник.

Дверь широко распахнулась, и в класс ариан пулей влетел Луканька. (К стр. 9)

— Аминь! Истина, да будет так! — прогудел загробным голосом Каменский со своего места на первой парте.

— Каменский! не юродствуйте! — осадил его батюшка. — А вы, Флуг...

Но отцу Капернаууму не суждено было и на этот раз докончить своей фразы. Дверь широко распахнулась и в класс ариан пулей влетел или, по выражению гимназистов, "вонзился" Луканька.

Глава II.

На допрос к директору.

Мартьян Иванович Луканов, инспектор классов N-ской гимназии, имел целых три прозвища, не в пример прочим. Звали инспектора "тенью отца Гамлета" за его чрезвычайно худую, как у скелета, костлявую фигуру, на которой точно на вешалке болтался форменный вицмундир. Звали еще почтенного Мартьяна Ивановича "Иродом" за его хроническое, упорное преследование гимназистов и, наконец, "Луканькой". Последнее прозвище являлось самым общеупотребительным и распространенным. По первому же взгляду, кинутому на инспектора, отец Капернауум понял, что предчувствие не обмануло его, что у ариан доподлинно что-то стряслось и весьма нешуточное. Худое, сухое и дряблое лицо инспектора все прыгало от волнения. Грязновато-серые баки вздрагивали... Губы тряслись...

Дверь широко распахнулась и въ классъ Аріавъ пулей влетѣлъ
Луканья. (Къ стр. 9).

В его левой руке была внушительных размеров штрафная тетрадка, "послужной список", как прозвали ее гимназисты, вся испещренная фамилиями провинившихся учеников, подлежащих взысканию за всякого рода сложные и несложные проделки и проступки, "вольные, яже невольные".

В другой руке Луканька держал карандаш, нервно постукивающий о толстую обложку "послужного списка".

— Простите, батюшка, — произнес он, наскоро подходя под благословение к священнику, — но я по приказанию директора принужден отозвать троих учеников с вашего урока. Дело требует безотлагательного выяснения.

И Луканька кинул на батюшку многозначительный взгляд.

Отец Капернаум только молча наклонил в ответ свою великолепно расчесанную голову. Инспектор торопливо подбежал к партам, и бегая по промежутку между рядами скамеек, выкрикивал фальцетом:

— Радин... Гремущин... Комаровский... пожалуйте к директору.

Названные гимназисты поднялись со своих мест и бодро зашагали на середину класса. Радин спокойно и величаво, красивый и гордый, как греческий Адонис, Гремущин своей быстрой, нервной и припрыгивающей походкой, Комаровский, чуть раскачиваясь на длинных ногах, навлекших на него второе прозвище "вешалки" со стороны его однокашников-гимназистов.

Когда Комаровский, невозмутимо-спокойный и мрачный, по своему обыкновению, поравнялся с партой, на которой сидел Каменский, Миша не выдержал и, повернув к нему свое светлоглазое, смеющееся лицо, незаметно воздел руки к небу и замогильным голосом прогудел:

— Помяни мя, егда приидеши во царствие его!

Кто-то неожиданно фыркнул.

Кто-то прыснул от удовольствия и в результате фамилия Каменского очутилась мгновенно в "послужном описке".

— Так будет с каждым, кто осмелится нарушить тишину в классе! — торжественно возвестил Луканька, высоко потрясая карандашом.

— Вот человек! — прозвучал заглушенный гортанный голос мурзы из рая, — сколько нашей крови высосал... а все тэн-тэнь ходит... Ночью испугаться можно, когда на дороге попадетя... Корм нэ в прок!

Луканька, по счастью, не слышавший последнего замечания, вышел, сопровождаемый тремя названными учениками из класса.

Когда торжественное шествие появилось в коридоре, "галлы", то есть средние классы, четвертые, пятые и шестые, имевшие в это время полуофициальные уроки, к разряду которых гимназисты относили часы рисования и пения, высунулись, сдержанно недоумевая, из своих помещений.

— Арестованных ведут... — шептали они. — И с ними Радин... "Примерник"... Несуразное что-то! Юрочкин! Чем вы провинились?

Маленькие седьмые, или "мелочь", по прозвищу, тоже высунули носики из своего класса и чуть слышно хихикали.

— Осьмериков накрыли! Вот здорово-то!.. На нас кричат... а сами влопались...

— Сокрушу! — поймав этот чуть слышный лепет, лаконически, но с грозным видом прогудел сквозь зубы мрачный Комаровский, делая по адресу "мелочи" страшные глаза.

Те дружно гикнули и мгновенно исчезли за дверьми своего класса.

Минуты через две Луканька с тремя арестованными очутились у дверей директорской квартиры.

Глава III.

Предательская заметка.

В красиво обставленной, несколько сумрачной и казенной до "тошноты", как о ней выразился кто-то из гимназических остряков, приемной директора все четверо остановились.

Невольно, скорее по привычке, нежели ради необходимости, юноши незаметно "обдернулись", пригладили волосы и, чуть вытянувшись, уставились глазами на дверь соседней комнаты, из которой должен был сию минуту появиться директор.

Но минуты проходили за минутами, протягиваясь с досадной медлительностью, а "сам" все еще не показывался.

Прошла еще минута, другая и третья томительно-неприятного ожидания. Еще... еще и еще...

Наконец портьера зашевелилась под чьею-то властной рукой и Вадим Всеволодович Анчаров, главное начальство N-ской гимназии, появился на пороге приемной.

Он был невысокого роста, кругл, с внушительных размеров брюшком на коротеньких ножках, с полными, отвислыми, лоснящимися щеками, с полуголым черепом, блестящим и белым, как слоновая кость.

Внушающий невольное уважение орден Анны висел под гладко выбритым подбородком директора.

За эту круглую, как колесо голову, за толстую быстро перекатывающуюся на коротеньких ножках фигурку, за постоянное пыхтение и бурно вздымающийся при усиленном дыхании живот, Вадим Всеволодович получил от неумолимых в сих вопросах гимназистов прозвище "Мотора".

В руках Анчарова был объемистый лист газетной бумаги, а глаза его инквизиторским взглядом впились по очереди в лица трех стоявших перед ним юношей. Ответив небрежным кивком головы на почтительный поклон гимназистов, директор откашлялся, выкатился еще немного вперед, снова откашлялся и, чуть приметно пыхтя, начал приятным густым и сочным басом:

— Господа! Мне весьма прискорбно было узнать, господа, что между вами нашелся такой ученик, который с невозможной и возмутительнейшею для его возраста дерзостью решился так открыто и нагло попать издавна уважаемые и строго, раз навсегда установленные, правила нашего учебного заведения. Я говорю о прискорбном поступке с одним из ваших однокашников, решившимся выступить в виду всего города в качестве театрального статиста, фигуранта и чуть ли не клоуна на подмостках одного из городских театров, о чем подробно свидетельствует статья, помещенная в этой газете и подписанная "доброжелателем".

Тут "Мотор" для большего впечатления потряс газетой перед носами стоявших перед ним гимназистов.

Потом он снова перевел глаза на злополучную газету и, уткнув в нее пальцем с тщательно отполированным ногтем левой руки, занес правую в боковой карман,

откуда извлек золотое пенсне, очутившееся в тот же миг на красиво изогнутом носу директора..

Затем, близко поднес газету к своим близоруким глазам и прочел:

"Удивляемся распушенности и вольности современных гимназистов. И за чем только следит гимназическое начальство? Нам достоверно известно, что ученик N-ской гимназии, восьмого класса, имел смелость открыто выступать в качестве актера-статиста на сцене городского театра... И т. д. и т. д.". — Неожиданно закончил чтение статьи директор.

Он сделал минутную паузу, во время которой снял, протер носовым платком и водворил обратно в карман пенсне, и тогда только произнес снова:

— Я приходил, как вам известно, перед уроком Закона Божия в ваш класс, господа, и изложил вам вкратце суть дела. Тогда же я решительно потребовал от вас всех, от целого класса вкупе, назвать виновного. Участие в театре гимназиста не может быть допустимо ни под каким видом, как самое элементарное нарушение гимназического устава, и строгое взыскание должно постигнуть виновного. Но класс отказался выдать провинившегося... Правило товарищества (тут Директор чуть-чуть усмехнулся), с которым, положительно, я согласиться не могу... Раз ученик провинился, и его товарищи заведомо знают его вину и нежелание сознаться, их прямая обязанность состоит в том, чтобы помочь начальству узнать имя виновного... Но не в этом дело. Это прописные правила, которые вы должны знать с младшего класса. А вот... о чем я хочу потолковать с вами. Я позвал вас сюда, господа, как лучших учеников с тем, чтобы передать вам мое решение, твердое и бесповоротное. Медалисты останутся без медалей, представленные к награде лишатся ее, а обыкновенные смертные (новая усмешка на гладком, розовом лице директора) — выйдут из нашего заведения с неудовлетворительной отметкой за поведение, если... если виновный не назовет себя... И вам, как лучшим ученикам класса, я говорю это с тем, чтобы вы передали это вашим товарищам. А теперь, до свиданья, господа, я не хочу задерживать вас больше!

И, сделав красивый, закругленный жест в воздухе правой рукою, Вадим Всеволодович покатился назад к двери, замаскированной тяжелой плюшевой портьерой.

— Вадим Всеволодович... одну минутку...

И, прежде чем кто-либо мог ожидать этого, Юрий Радин очутился в двух шагах от кругленькой, как мяч фигурки своего начальства.

Директор ласково кивнул юноше. Он любил Радина, как любил каждый этого открытого, прямого, стойкого в вопросах чести юношу.

— Что вам, голубчик? — мягко обратился он к гимназисту, с удовольствием окинув взглядом красивое, смелое и тонкое лицо Юрия.

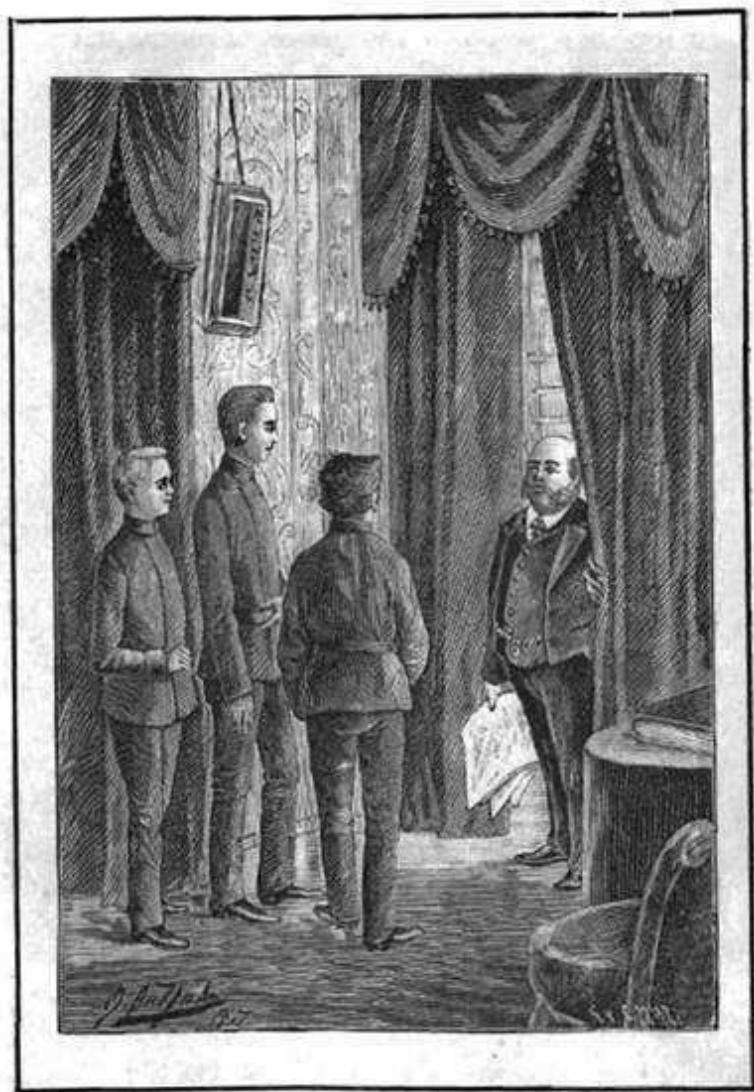
В одну минуту синие глаза Радина стали черными, как уголь, что случалось с ними всегда в минуты гнева или душевного волнения.

Так темнеет синее озеро перед грозью, когда над ним виснут угрюмо свинцовые тучи...

— Вадим Всеволодович, — произнес Радин, и красивый тенор его завибрировал загаенной дрожью, — не пытайтесь доискиваться виновного, потому что виновный — я!

В руках Анчарова был объемистый лист газетной бумаги... (К стр. 18)

Если бы молния, скользнув по приемной, ослепила всех присутствующих,

Въ рукахъ Анчарова была объёмистый листъ газетной бумаги...
(Къ стр. 13)

если бы кусок неба упал на них в эту минуту, директор и Ирод удивились бы не больше того, чем были удивлены неожиданно и странно прозвучавшим словам Юрия.

На минуту воцарилось молчание, во время которого Юрий Радин стоял по-прежнему, спокойный, красивый и невозмутимый, перед грозными глазами своего начальства. Комаровский и Гремушин переглянулись с тоскою.

— Зачем? Зачем он "ляпнул"? — красноречиво говорили, казалось, глаза обоих юношей.

С минуту Луканька, пришибленный неожиданностью, смотрел на Мотора; Мотор на Луканьку... Потом директорские губы раскрылись... Брови многозначительно поднялись и Анчаров веско и негромко протянул многозначительное "а-а". Снова потянулась минута, молчаливая, как смерть и тяжелая, как свинцовая туча. И вдруг все разом разрешилось просто и ясно...

— Вы? Вы, Радин? произнес, тяжело отдуваясь Анчаров, — я ни за что не поверил бы, если бы услышал подобное известие от кого-либо другого...

— Рассказывай! Препотлично бы поверил, — ты шпионов любишь! — вихрем пронеслось в голове Комаровского, которого, по его собственному мысленному признанию, прошибало от всех этих волнений до "десятого поту".

— Но это сказали вы, — снова подхватил директор, не мало не подозревая тех мыслей, которые кружились в буйной голове Комаровского, — и я не имею основания вам не верить.

Снова томительная пауза, во время которой гимназисты тоскливо переминались с ноги на ногу, скорбно рассуждая в своих мыслях:

— И чего пытает?! Уж отпустил бы на все четыре с миром, жила тягучая!

Но "жила" был далек от упомянутого намерения. Его маленькие глазки так и впелись в Юрия.

— Послушайте, Радин, — затянул он снова своим приятным звучным баском, более чем когда-либо отдуваясь и пыхтя от волнения. — Не буду говорить теперь о причине, побудившей вас, лучшего ученика и украшение гимназии, нарушить так грубо и резко священные традиции нашего учебного заведения, вероятно, к тому у вас имелись веские причины, которые вы мне и сообщите после, наедине, с глазу на глаз... А пока я ограничусь только одним требованием. Я требую, чтобы вы дали мне честное слово честного человека никогда больше не выступать "там" и не бросать таким образом тень ни на вашу гимназию, ни на ваше начальство, якобы допускающее подобное поведение. — И сделал строгое лицо, Мотор замолк.

— Дай ему слово! Ну же! Ну скорее, Каштанчик! Жарь и вывалим отсюда на "чистый воздух" по крайней мере, — усиленно зашептали ему в уши Коля и Комаровский, толкая Юрия под оба локтя.

Но Радин точно не слышал. Бледный тою синегато-серою бледностью, которая так свойственна нервным натурам, с раздувающимися ноздрями и нестерпимо горящим взором, он шагнул ближе к Мотору и произнес твердо:

— Нет, этого слова, Вадим Всеволодович, я вам дать не могу и... не хочу!

Что-то властное, и независимое прозвучало в дрогнувших звуках его молодого голоса. Это-то властное и независимое больше всего и укололо директора. Мотор вспыхнул, запыхтел и, забыв, что перед ним стоит лучший ученик, краса и гордость вверенного его заботам учебного заведения, крикнул: